

ОНИ СТОЛКНУЛИСЬ на лестничной площадке консерватории — Мясковский, как всегда, вооруженный большим профессорским портфелем, в котором, казалось, могло поместиться полное собрание сочинений Бетховена, возвращался с урока контрапункта. Едва обменявшись приветствием с Прокофьевым, как обычно, опаздывающим на урок, он бросил на ходу:

— Маэстро сегодня настроен благодушно. Рисует чертей и прочую нечисть из сказок. Постарайся не вывести его из себя... А после урока заходи ко мне — будем играть Девятую Бетховена, как договорились...

— Ладно, — ответил Прокофьев и без энтузиазма открыл дверь класса. — Добрый день, Анатолий Константинович! Простите, я немножко замешкался...

Лядов был, действительно, в добром расположении духа. Он улыбнулся и показал глазами на рояль:

— Ну, Сережа, чем вы меня сегодня порадуете? Кончили фугу?

— Кончил, — неуверенно сказал Прокофьев и сел за рояль. Самому ему фуга определенно не понравилась, одобрений от своего строгого учителя он не ждал и мечтал только об одном, чтобы нынешний урок не окончился так, как прошлый. Тогда, услышав странные и непривычные его уху гармонии, Лядов обвинил своего семнадцатилетнего студента в дерзости, рассердился. Засунув руки в карманы и покачиваясь на мягких плюшевых ботинках без каблуков, он говорил своим тихим голосом:

— Я не понимаю, зачем вы у меня учитесь? Поезжайте к Рихарду Штраусу, поезжайте к Дебюсси... — Произносил он это таким тоном, словно посылал к черту.

Приятного было мало, но Прокофьев понимал, что кое в чем учитель прав, хоть и излишне сух, хоть и придирается к нему, но в него все-таки верит.

Сегодня он принес переписанную фугу. Играя, Прокофьев косо поглядывал на Анатолия Константиновича. Тот, сидя в кресле, внимательно слушал, задумчиво водил карандашом по бумаге, лежавшей у него на коленях.

«Рисует чертей, — подумал Прокофьев. — Значит, не злитесь...».

Закончив, Прокофьев уставился куда-то в угол, ожидая сурового суда Лядова. Помолчали оба. Потом Лядов все тем же тихим голосом, но весьма категорично сказал:

— Фуги вы писать, Сережа, видно, никогда не будете. Но эта — вполне сносная... Кстати, что я сейчас заметил, здесь, во второй разработке у вас очень интересный фольклорный ход. Вы любите народные песни?

— Да, очень, — еще непонимающе протянул Прокофьев. — И сказки тоже люблю.

Неожиданно почувствовав острое желание поделиться сокровенным, Прокофьев добавил:

— Знаете, Анатолий Константинович, я когда-нибудь, может быть, скоро напишу целый фортепианный цикл — название уже есть: «Сказки старой бабушки». А музыка, — он опасливо улыбнулся, — музыку буду писать, когда закончу сносную экзаменационную фугу.

— Боюсь, ждать придется долго, — улыбнулся в ответ Лядов.

Разговор неожиданно зашел о Римском-Корсакове. Начал его Лядов — он постоянно горел желанием говорить о своем недавно ушедшем из жизни друге. Сегодня он добрую половину урока играл Прокофьеву большие куски из «Китежа» и «Золотого петушка». Когда же осмелевший Прокофьев попросил Лядова сыграть из собственной симфонической миниатюры «Волшебное озеро», тот наотрез отказался, что, впрочем, несколько не удивило его ученика: он знал почти болезненную застенчивость Лядова, когда разговор касался его собственных сочинений.

Некоторое время сидели молча. Лядов продолжал рисовать, а Прокофьев мысленно слушал вновь его

Моск. консерватория,
1978, 22 сент.
Наталья ЛАГИНА

УРОК СКАЗКИ

РАССКАЗ ИЗ КНИГИ О КОМПОЗИТОРАХ

«Волшебное озеро», исполненное впервые совсем недавно. Ему очень нравилась эта пьеса — ее звучание воздвух природы, русской, чутко схваченной композитором. Он словно видел это заброшенное озеро где-то в глуби России. И камыши, и ели на берегу его... И какое-то преддверие сказки — не случайно и Лядов назвал его волшебным, а все сочинение — сказочной картиной...

Но, увы, моменты идиллии в отношениях учителя и ученика были столь же кратковременны, как звучание лядовских миниатюр. Прокофьев и сам не заметил, как, показывая в конце урока Лядову набросок новой фуги, вновь начал слишком резко спорить с ним. Лядов бросил свои рисунки, стал что-то выговаривать Сергею, но тот распался все больше, а после слов: — Не понимаю, Анатолий Константинович, как это в вас разом живут два человека — сухарь и сказочник! — Лядов тихо раскрыл дверь и вышел. Правда, тотчас вернулся, миролюбиво посмотрел на смущенного Прокофьева и сказал: — Вы перезанимались, Сережа. Отдохните и приходите в пятницу снова. Я понимаю ваш юношеский пыл. Наверное, в чем-то я тоже неправ...

Прокофьев стал говорить что-то невнятное извиняющимся тоном. Лядов, мягко отведя его извинения, сказал: — Я буду очень рад услышать ваши сказки... А пока... Николай Яковлевич Мясковский просил вас прийти к нему после урока. Кажется, вы собираетесь играть Бетховена? Похвально, очень похвально, но и о Корсакове с Глинкой не забывайте!..

...МЯСКОВСКИЙ, поглаживая бородку, сидел над какой-то партитурой. Рядом, на столе, сгрудилась масса книг. Прокофьев стал машинально перебирать их. Бросив на него короткий взгляд, Мясковский понял, что урок с маэстро закончился не самым удачным образом, и не стал ни о чем расспрашивать своего друга.

С удивлением Прокофьев находил одну за другой книги русских сказок. Одна из них — сказки, собранные Афанасьевым, была вся в закладках. Он раскрыл наугад одну из заложенных страниц. Прочел: «Баба-Яга вышла во двор, свистнула, — перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Баба-Яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает... Скоро послышался в лесу шум: деревья трещали, сухие листья хрустели...»

— Коля, — обратился Прокофьев к Мясковскому. — Никак ты решился лядовскую «Бабу-Ягу» заново написать? Ведь это же его эпиграф к миниатюре!

— Нет, не то, — быстро ответил Мясковский. — Просто, затолмуженный этими нужными фугами, я захотел посмотреть, как же пишет сам наш уважаемый маэстро Ля-До-Фа... Это поразительно — требует каноны, метаморфозы и прочие, а как сам удивительно щедр в оркестре, как умеет в малом сказать множество, какой талант, Сережа, настоящий талант, хоть и пишет непозволительно мало и медленно!.. Ну, «Волшебное озеро» мы с тобой вместе слушали... А сейчас он опять в сказку ударился. Кажется, новый вариант «Бабы-Яги»... Хотя, иное.

— Нет, не Яги... Он за Кикимору взялся... Вот, по-

смотри, — Мясковский протянул Сергею небольшой лист бумаги с изображением странного существа, явно из сказки и явно — не Яги, хотя тоже верхом на помеле.

— Ты тоже увлекся чертями? — с улыбкой спросил Прокофьев.

— Нет, это наш маэстро забыл в партитуре, которую я у него с трудом выпросил, чтобы посмотреть инструментовку поточнее. — И он показал на рукопись «Бабы-Яги», которую так тщательно изучал перед приходом Сергея. Над партитурой склонились теперь оба.

— А здорово летит старушка! — засмеялся вдруг Прокофьев. — Как смерч. Молодец, маэстро! За три-четыре минуты — целый мир!

ЛЯДОВ вернулся домой из консерватории поздно. Страшно устал, давало о себе знать большое сердце. Надо бы прекратить преподавание — и врачи на том настаивают, да и творческие планы подгоняют. Глазунов, хоть и друг, но директор консерватории — уговаривает не уходить. И Римский-Корсаков говорил о том же... Но вот не ладится что-то. То ли в возрасте дело, то ли в болезни, то ли случайно к нему в класс попали эти два ершистых молодых человека, которые никак не желают понять, что необходимо уметь писать все, а в классической фуге, которой они так пренебрегают, море возможностей для композитора, в том числе и самого современного... Любопытно, что Прокофьев тянется к фольклору, к сказке. Вот уж, признаюсь, не ожидал. Интересно, что у него получится... Должно бы.

— Анатолий, — в комнату заглянула жена. — Ты не забыл, что мы едем в оперу?

— Прости, дорогая, — сказал он. — Сегодня я не смогу сопровождать тебя. Хочется работать... Нет, я чувствую себя прекрасно — потому и останусь дома. Правда, я буду нынче писать...

Свою миниатюру «Кикимора» Лядов назвал народным сказанием для оркестра. Тут уже не будет один образ, вокруг которого строится вся музыка, — как было в «Озере» и «Бабе-Яге». Здесь он расскажет целую историю из сказки — как родилось, росло, воспитывалось фантастическое чудовище. Вот эти слова из сказок Сахарова станут программой, он их запишет и на титуле партитуры: «Живет-растет Кикимора у кудесника в каменных горах. От утра до вечера тешит Кикимору Кот-баюн, говорит сказки заморские. С вечера до бела света качает Кикимору во хрустальной колыбельке. Ровно через семь лет вырастает Кикимора. Тонешенька, чернешенька Кикимора, а голова-то у нее малым-маленькая, а туловище не опознать с соломиной...»

Он медленно набрасывал на нотные строчки свои неторопливые музыкальные мысли, перечитывал их заново, не подходя к роялю — в последнее время, из-за болезни, нервы его были особенно обострены, и его подчас раздражали даже звуки фортепиано. Биография Кикиморы сочинялась как бы сразу в оркестре. Лядов постоянно слышал этот оркестр — рояль не был ему нужен.

«...Стучит, гремит Кикимора от утра до вечера, свистит, шипит Кикимора с вечера до полуночи; со полуночи до бела света прядет кудель конопельную, сучит пряжу пеньковую, снует основу шелковую. Зло на уме держит Кикимора на весь род людской!».

...Наверное, бывает сочинение, к которому готовишься всю жизнь. Так, видно, и с этим... Корсаков не поверил бы... Да и он сам, Лядов, почти не верит себе. Но музыка идет. Идет — и это главное!

...Завыл телефон. Лядов подошел сам. Немало удивленный, услышал голос Мясковского: — Анатолий Константинович, мы сейчас снова играли с Сережей «Бабу-Ягу». Спасибо вам, спасибо за урок сказки, мы его надолго запомним...

— Какой урок сказки? — переспросил Лядов, в самом деле еще не понимая. — Ах, сказки?! Так не меня благодарить надо — сказку подарил!